

Руслан Захваткин

ТУТАНХАМОН

поэма

Литературный клуб Исеть

2026

INIDA-PROJECT.ORG

Захваткин Руслан (Ровный)

Ровный - это творческий псевдоним. 39 лет. Стихи пишу с 16 лет. К сожалению, я не профессиональный литератор, а всего лишь любитель, но творческий процесс создания литературного произведения захватывает меня целиком и не отпускает ни на миг. Посещал литературный клуб "Литературный чердак" в лит. институте им. Горького в Москве, работал внештатным корреспондентом в газете "Горняцкая смена" в Московском Горном университете, который и закончил по специальности Экономика предприятия горной отрасли. Веду страницы в литературной соц. сети Стихи.ру и Проза.ру с 2012 года. Пишу стихи и прозу. Последнее время более стихи, поскольку мне нравится ритм и я считаю, что формат стиха в наш век рациональнее передаёт дух произведения, замысел автора, раскрывает сюжетную линию, наполняя её изящной словесностью. Википедия - моя Муза. Я рифмую её энциклопедические выкладки на интересующие меня темы. По сути я не поэт, конечно, а рифмователь, стихотворец. Написал более 350 произведений в стихах, в том числе более десятка поэм на разную тематику.

Тутанхамон

Руслан Ровный

В правление царя Аменхотепа
Ему послушны дети были слепо.
Но лишь почил старик Аменхотеп,
Как начался Амарнский их вертеп.

I
Богатство и могущество державы
Мальчишку положили в саркофаг,
Кто в жизни не достиг зенита славы,
С клюкой передвигаясь кое-как.

Инцестный плод, урод, хромой калека
Был в склепе замурован, и картуш
Нарёк его великим человеком,
И золото покрыло эту чушь.

«В рассвете сил почил от малярии» -
Так гимн официальный говорит.
Жрецы его поспешно схоронили,
Чтоб был скорее в почестях забыт.

Жрец-sem спешил уста ему отверзнуть,
А херихеб-причётник просветлить,
Чтоб мог начать дышать и пить болезный,
Очиститься и в мир загробный плыть.

Уже он запелёнатый весь в ткани,
Лежит забальзамирован, промыт
Уже для саркофага в ровных гранях
Свенетт давно стесал ему гранит.

Сановники Египетского царства
На похороны съехались и знать,
И мумию в роскошное убранство
Рабы уже устали наряжать.

Чтоб мёртвый царь в Дуате был красивый,
Ему черты исправили лица.
Под маской погребальной бог Осирис
Не будет видеть страшного юнца.

II
Его отца с инопланетным ликом,
Рептилии, надевшей царский пшент,
Убила заговорщеская клика,
К убийству уличившая момент.

Вот он-то был великим фараоном.
Великий реформатор-еретик.
Единым богом сделал диск Атона,
Ему уподобляя солнца лик.

Насильно перенёс свою столицу
Подальше от жрецов в Ахетатон.
И знати потянулись колесницы
Понуро в глушь, где скрылся фараон.

И женщину со спорной родословной
Провозгласил там главной женой,
Покорную ему беспрекословно
И днём под солнцем, ночью под луной.

Она звалась как будто Нефертити,
А может быть, Нефернефруатон.
Чтоб не было царицы знаменитей
В остракон бюст её запечатлён.

«Прекрасная, как красота Атона»,
«Красавица, которая пришла».
Над ней, как над богиней, нет закона.
Под ней весь мир. Ей слава и хвала!

Хранят царя заветы талататы,
Песчаные свидетельницы сцен
Служений культу ереси, разврата,
Страшней прелюдных оргий и измен.

В единобожье, упредившем время,
Не понят оказался Эхнатон.
Как будто жизнь ему чужое семя
Дала и был лишь отчим фараон.

Через века возьмут его идеи,
Молитвы переначив на свой лад,
Пришельцы из далёкой Иудеи
И будут чтить и праздновать шаббат.

В стремлении своём инакомысля
Хотел он урезонить власть жрецов.
Но сын его, в том ничего не смысля,
Вернул отцом поруганных богов.

Жрецы над реформатором глумливы.
К восстаньям, как номархи, звали септ
Убить царя, вернуть столицу в Фивы,
К некрополям в стовратный Уасет.

Наследника-калеку увещали
Отречься от реформы мудреца,
Магическим заклятием пугали
Забвенью чтоб предал завет отца.

«Наш бог Амон, сокрытый, потаённый,
Бог Солнца и великий царь богов,
Убьёт тебя, коленопреклонённый.
Он к жертвоприношениям готов!

Ты – гусь или баран, но ты не ибис,
Чью голову бог мудрых носит Тот.
Когда атеф надевший бог Осирис
На суд в Дуате души призовет,

Баран и гусь - Амону будет жертва.
Стань сердцем просветлённый, фараон!
Его Анубис взвесит в царстве мёртвых
И в пасть Амат не бросит пантеон».

III

Царь Эхнатон отравлен был жрецами,
Кто приняли его культ божества,
Но злодеянье замыслили сами,
Прислуге не жалея серебра.

Семнадцать лет в опале вся элита,
А достижения лидера скудны.
Вокруг него другие фавориты,
Что расхищают золото казны.

Он думает, к нему не подобраться –
Охрана из наёмников верна.
Но смерти, между прочим, может статься,
Достаточен один глоток вина.

И всё. И жизнь оборвана злодея.
Убит тарантул, источавший яд,
И только остывает, холодея.
Об этом все на Юге говорят.

Что думал царь в последние минуты,
Когда остановился бег времён?
«Страну, как рысака, стянули путы.
Их разорвать не в силах фараон...».

Однажды наставлять пытался сына
Отцовство поздно вспомнивший отец.

К шести годам уж вымахал детина,
Ни разу не покинувший дворец.

Хотелось ему высказать о многом,
Дитя в свои надежды посвятить,
А главное – сдружить с единым Богом,
Чтоб мальчик сердце мог ему открыть.

Эхнатон:
«Прочти мои слова в начале царства.
Почувствуй, кем я был и кем мог стать.
Отец мне передал свои богатства,
Но то, чего даст Бог, не мог он дать:

«Отец меня назвал Аменхотепом -
«Амон доволен», как он был и сам,
Чтоб землям стал его надёжным скрепом,
Соседям – друг, гроза и смерть врагам.

Но золота он слишком много тратил
Подарками в Митанни, в Вавилон
Для ублаженья их верховной знати,
Что прекратить нам повелел Атон.

Хоть против мать моя – царица Тия
И вторит ей Май, Верховный жрец.
Да, золотом сорить – её стихия,
Но золото без Бога – лишь свинец.

Пришла пора его великой жатвы.
Всё золото, что нам дарует Нил,
Межцарские я нарушая клятвы,
Атону и для храмов посвятил».

«Когда я при отце был соправитель,
Его наместник в Мемфисе Анен
Был всем моим решениям учитель,
Ходил везде за мною, словно тень.

Наследный князь, наместник фараона,
Он был Распорядитель Храма Ра.
Как хитрая разбойница ворона,
Все номы низовые обирал.

И было мне досадно и обидно
За наше материнское родство.
За действия его, каким постыдно
Боимся дать клеймо мы – «воровство».

В Тридцатый год правленья фараона,
Который проводил Аменхотеп,
Мой дядя уже не был подле трона.
Не дожил он до праздника хеб-сед.

Я ж понял там – важнее фараонов
Египту всех времён был чёрный Нил.
Он их кормил, поил, укрывши кроной,
И это он их всех объединил.

«О, Нил! Твоя вода подобна амбре.
Она вкусна, она, как дикий мёд.
И мы живём, богов твоих задобрив.
И наша жизнь, как долгий Нил течёт».

«Царь хеттский Суппилулиума Первый
Грозит моим союзникам войной.
Но я, договорённостям неверный,
Не буду рисковать своей страной.

Прислал дары властитель из Ашшура.
Пастух и тот уж мнит себя царём
И видит политической фигурой,
Двуречье покорившею мечом.

Хитёр царёк, зовётся Убаллитом,
С аккадского то «сохрани в живых».
Он просит от Тушратты дать защиты.
А мне теперь мирить придётся их».

А вот моё послание сегодня.
Запомни, сын, его как главный гимн.
В нём озеро в пылающих жаровнях
Чтоб был твой Ах неопалённый им.

«Не может богом быть ни зверь, ни птица.
Бог – высшее Вселенной существо.
И мы ему должны с тобой молиться,
Не признавая больше никого.

Бесчисленно жрецов по нашим номам.
У них свои войска, своя земля,
Что стали от народа нам заслоном
И воле нашей не благоволят.

Мы из-за них не слышим глас народный
И нас не понимает царский люд.
Визирь наш и последний раб голодный –
Царя все одинаково клянут.

А нами проведённая реформа
Нужней Египту сотни пирамид.
Чтоб был один налог лишь фараона
И не было зарвавшихся элит.

Хотим мы, чтоб все номы процветали,
Чтоб не было голодных и рабов,
Чтоб истины не прятали в скрижали,
По своему их чтя для дураков.

Вот наш завет для будущего царства.
В иероглифах на скальных сохрани.
Как вырастешь, поймёшь жрецов коварство
И трона вечно алчущей родни.

Пусть ропщет в Фивах старая элита,
Но времена ее уже прошли.
Теперь аристократия забыта —
Сандалиями стоптана в пыли.

И хетты, и хурриты, и касситы,
И ассирийцы, Сет бы их побрал —
Все просят у меня себе защиты
И чтобы я их сторону избрал.

Но я решил довериться Атону,
Построил храм, отпраздновал хеб-сед,
На Север перенёс свою корону
И имя позабыл Аменхотеп.

Я стал другим, Великим Эхнатоном!
Весь мир теперь способен изменить!
Я людям подарю свои законы,
Чтоб все смогли отныне лучше жить!

Страна жрецов. Немыслимое дело!
У нас теперь их больше, чем рабов.
Они душе предпочитают тело
И остальных всех держат за ослов.

Тентира, Фивы, Мемфис, Гелиополь
И Абидос — все центры божьих слуг
Спешат больного поместить в некрополь,
Убить, не вылечив. Избавить тем от мук.

Я прекращу их жреческое царство
И гнёзда их везде разворошу.
Одежды с леопардовым убранством
(О, слава Богу, я их не ношу!)

Велю признать одеждою нечистой.
Все перстни, кольца, ожерелья усхх
Лишу у них отделки золотистой.
В схентИ пусть служат в отверзаньи уст».

И всё. На этом сорваны печати
И сбиты иероглифов ряды
В гробницах у вельмож - номархов, чати, -
Деяний фараоновых следы.

IV

Опустим погребальные обряды
На дно из алебастровых каноп.
Вот в красных клафтах воинов отряды
В ладьях сопровождают царский гроб.

Искусство погребальных заклинаний,
Проклятья налагающих запрет,
Вершат жрецы в час жертвенных закланий,
Таят его, как заговор-секрет.

Наследник Сменхкара в цари стремится,
Он – старший сын царя, его и трон.
Его жена – красавица царица,
От Нефертити дочь Меритатон.

Она хандрит, вернуться хочет в Фивы.
Не радуется её Ахетатон.
Черты лица изысканно красивы.
И даже страж ворот в неё влюблён.

Чума пришла в Египетские царства
И не щадит на знать, ни голытьбу.
Сегодня говоришь ты солнцу – здравствуй,
А завтра сходишь мумией во тьму.

Чума и смерть, как две сестры-убийцы,
Скосили быстро царскую чету.
Поспешно бальзамируют их лица
И прячут в саркофаги наготу.

«О, муж мой Сменхкара! О, мой любимый!
Зачем оставил ты меня вдовой!
Зачем к тебе судьба неумолима
И дух твой стал скиталец и изгой!»

В тот самый час, когда царя не стало,
Когда последний вздох слетел с лица,

Жена над телом мужа зарыдала
И скорби её не было конца.

В гробнице на горе Ахетатона
Быть погребённой миллионы лет —
Таков удел супруги фараона,
И время затеряло её след.

Затем восходит мачеха-царица,
Два года правит, словно фараон.
Оставленная южная столица
Подарки часто шлёт ей на поклон.

В подарках очень много мазей, кремов,
Которые тайком содержат яд.
Им главную из царского гарема
Вельможи отравить давно хотят.

Эссенции, масла плодов Египта -
(Всё, чем богата нильская земля)
Моринга, бен-орех и баланито,
Ей посылают, славя и хваля.

И вот её корёжит отравленье.
Она кричит и рвёт свой воротник.
Смертельным оказалось приношенье
И яд в неё таинственно проник.

Летят на пол разбросанные бусы,
Змеёю вьётся порванная нить.
Такие ядовитые укусы
Врачам уже не в силах заживить.

V
Минуло время царствий бесноватых.
Сошли на нет и мачеха, и брат.
И вот Тутанхамон в лучах заката
Наследным принцем быть уже не рад.

И в голубом хепреше в колеснице
Уже спешит преемник сесть на трон,
И царский люд, простёршись ниц, в столице
Кричит: «Да будет вечным фараон!»

Из двух корон: дешрета и хеджета,
Ему жрецы корону поднесут.
Трон двух богов: Осириса и Сета,
Немес и хат царицы Хатшепсут.

Египет Нижний красную корону
Змеёй, богиней-коброй Уаджит
Несёт в дары мальчишке-фараону,
Уреем в диадеме осенит.

Корону-белизну с верховий Нила
Богиня-гриф, стервятница Нехбет
На лоб Тутанхамону посадила
И засиял как золото хеджет.

Царь слаб здоровьем, не начавши править
Как «удовлетворяющий богов».
С сестрою сводной их успеют спарить,
Растлением лишая детских снов.

Он станет для других марионеткой.
Советников гудит осиный рой,
Чтоб принимал решения нередко,
Не постигая смысла головой.

Сановник Ай – носитель опахала,
Военачальник грозный Хоремхеб.
Царю б элита волю диктовала,
А он вкушал бы с мёдом сдобный хлеб.

Убрал столицу к Дельте, в город Мемфис,
Где золото хранит священный Нил,
Чтоб жречеству, беспрекословно внемля,
Отступником отца б провозгласил.

И сам бы незаметно как-то сгинул,
Без славы, без побед и без страстей,
Забрав с собой в ковчежную могилу
Мертворождённых двух своих детей.

VI
Вот первый раз сидит юнец на троне
От радости, как солнца диск блестит.
Ему рёв труб в прихрамовом пилоне
И гимны жрец столичный посвятит.

Колонный зал из чёрного эбена,
Слоновой костью, золотом горит.
Рельефами украшенные стены
И пол дворца весь росписью покрыт.

Царь первое являет рассуждение,
Хоть с детства к рассуждениям не привык.
Но в свой уже десятый день рожденья
К тому порыв потребностный возник.

Прислал царю письмо из Вавилона
Касситский царь Куригальзу Второй.
«Дай золота», - просил он фараона.
«И дочь мою возьми себе женой.

Скрепив союз, мы дружбу возлелеем.
Пусть вас украсит ритуальный грим.
Я брачным амулетом скарабеем
Бессмертия желаю молодым!

Дарует благоденствие Хепера,
Сплетённым в узел жизни, древний Анх
На шкурах леопарда и пантеры,
Чтоб тело не истлело в бранный прах».

Он соблазнял царя своим союзом
И слух лишь тронным именем ласкал.
Заёрзал Небхепрура тут кургузо,
От наслажденья обнажив оскал.

На что царю ответил жрец лукавый:
«Пастух касситов хочет твою власть
Обманом облачить в чужую славу
И, словно как безделицу, украсть.

Прими его дары и не препятствуй
Послам его хвалу тебе воздать.
Взамен же прикажи к границам царства
Фаланги с колесницами послать.

Отдай приказ восточным гарнизонам
Закреть границу, как худую брешь.
Начни войну вести по всем канонам
И спи, в руках сжимая меч-хопеш».

Испуганный мальчишка, озираясь,
Глядел, глаза расширив, на жреца,
Который царским страхом наслаждаясь,
Пугал его гримасами лица.

«Увы, тебе не быть подобным деду,
Владычества для царства не стяжать.
Отдай все полномочья Хоремхебу.
Лишь он в Египте может воевать».

Тут катится слеза из глаз миндальных,
И, прячась в макияжный галенит,
В зернистых крошках отблесков кристальных
Как ртуть, росу свинцовую сочит.

«Мой царь, ты словно видишь кнут Сокара», -
Не стоит», - успокоил его жрец, -
«Слезы твоей всё золото Сахары».
Залил бальзамом душу льстивый лжец.

«Ступай в свои роскошные покои,
Утешься лаской Анхесенамон.
Решать вопросы царства будет воин,
А ты вкуси забвенья сладкий сон».

VII

Идут года, летят крылатой птицей.
Заплыл, как жиром, ленью фараон.
Страной ночами правит с ним царица,
А днём он лживой лестью окружён.

Когда же от него все ждут решения,
Откладывает царь свои дела,
Жена чтоб разрешить его сомненья
В ночной беседе снова помогла.

Она его пророк, его оракул.
Он к ней с дарами пиршества спешит.
Жена - знаток всех знаков зодиака
И мыслями, как судьбами вершит.

Царь пробует заснуть. Ему не спится.
Тревожных дум его терзает рой.
Но тихо шепчет юная царица,
И наступает благостный покой.

«Поспи, родной. Пускай вернётся сила
И разум твой, подобно роднику,
За эту ночь очистится от ила,
И мысли вновь, как реки потекут.

Любимый, ты расстроен и страдаешь.
Пусть тень забот становится длинней.
Ты думаешь, что ничего не знаешь,
Но утро всякой ночи мудреней».

Он любит с ней беседовать ночами.
Она умом его хитра владеть,
Ведь пред её газельими очами
Супругу остаётся только млеть

«Рождён был Сменхкара от иностранки.
В нём не было родни породных черт.
Пусть скроют его тощие останки
Позорный инородный этот след.

Отца я помню мало, фараона.
Сменхкару и меня водил он в Храм,
Где нам сиял сквозь крышу диск Атона
И гимны пелись радостные там.

Гуляли мы по длинным анфиладам,
Таскали подношенья с алтарей,
Где, прячась от зрителей в прохладу,
Игру с семдетом затевали в змей.

О, мехен был любимая игрушка,
Подарок от кушитов для отца,
Шесть прыгающих фишек, как лягушки,
На древнем змее, свитом в три кольца.

Любил ли я отца за его строгость?
Терпел лишь неизбежностью в судьбе.
Я чувствовал, что между нами пропасть
И был им предоставлен сам себе.

И я не понимал его стремленья
Избавиться от дедовских богов.
И чувствовал в кошунстве униженье
В тот час, как осквернялся божий кров.

Жрецам, певцам и всем, кто служит в храмах,
Верну я привилегии опять,
А в будущем, в моих дальнейших планах
Фиванскую к себе настроить знать.

Элита Юга нас готова слушать.
Мне шлёт привет их жрец Пареннефер.
Я подружился с Царским сыном Куша,
Хотя, он, видно, хитрый лицемер.

Я дал ему печать и грозный титул.
Наместник Хеви, так его зовут.
Но укротить нубийскую элиту
Один, навряд ли сможет этот плут.

Те земли платят в Фивы много дани,
Им бивни, шкуры, золото везут.
Хочу я караванам с их дарами
Назначить новый, северный маршрут.

Я Югу покажу, кто здесь Хозяин!
Расслабились политикой отца.
Со мною мои грозные меджаи,
Мечи и копья, верные сердца».

В ответ ему царица говорила,
Не возражая, направляла путь.
И речь жены царём руководила
В минуты до того, как им уснуть.

«Ты глуп и сам себе противоречишь,
Как с Фивами теперь себя вести.
То заявляешь, что ты их приветишь,
То во врагов грозишься занести.

Как нам не поступить, они хитрее.
Корней их связей сильноросло.
Жрецов Верховных вряд ли ты посмеешь
Сместить. Нападки вызовут лишь зло.

А может нам вернуть из ссылки Эйе?
Ведь он брат Тии, бабушки твоей.
Вот он-то нам с тобой помочь сумеет,
Как мудро управлять строною всей».

Царь успокоен, он жену лелеет
И засыпает на её руках.
Но перед тем, как сон им овладеет,
Как демона он изгоняет страх.

- «Я в детстве спал с кормилицею Майей.
Ей мать моя, царица Небетах,
В открытую того не разрешая,
Всё ж позволяла, строжа на словах.

Кормилица рассказывала сказки
Про кошек, леопардов и слонов,
О жрицах, что кружат в астральной пляске,
В обрядном танце «Четырёх основ».

Тайком от мамы мне давала сласти:
Орехи, фрукты, скатанные в мёд.
Сжимая статуэтку чёрной Бастет,
Я засыпал и мчался в снов полёт.

Жалела, называла Упуаут,
Не оскорбляя будущую власть,
За что, теперь я только понимаю –
За расщепление нёба, волчью пасть.

Теперь я вырос, вняв желаньям грубым,
Гроза пустыни, золотистый волк.
В оскале я раскатываю губы,
Чтоб встречный лишь клыки увидеть мог.

Я знаю, что царица Нефертити
Коварно истребила весь гарем -
Ппустила слух подлогов и наитий
И обвиненья предъявила всем.

Что, будто, Эхнатона отравили
Из жажды власти три его жены.
И мать мою Небтах за то казнили,
И Кийа с Тадухепой казнены.

А вскоре после страшных тех событий
Меритатон скончалась от чумы,
И следом умирает Нефертити
С оскалом и проклятием немым».

Глядит Тутанхамон в глаза супруги,
Но Анхесенамон отводит взгляд
И брови изгибает хмуро в дуги,
А пальцы нервно гребень тербят.

- «Ты прав, мой Царь, но только я добавлю:
Царица Нефертити – моя мать.
И, коли я с тобою вместе правлю,
То я её не буду осуждать.

И, если ты забыл, то я напомню:
У нас с тобою был один отец,
Кто, словно камнетёс в каменоломне,
Нанёс стране свой царственный рубец».

- «Что ждёт меня, страну с моим престолом?
Я, Анхесен, боюсь за нас с тобой.
Египет наш благополучья полон.
Но всех чужих влечёт сюда войной».

- «Не бойся ничего, ты – божий слепок,
А боги – все на нашей стороне.
Будь, как охотник, ловок, быстр и меток,
Ведь именно такой ты нужен мне».

- «Ты, как всегда, права, моя Царица.
Какие речи – браво! Что за тон!
Сердитой ты бываешь, словно львица,
Как старшая сестра Меритатон.

Я следующей, видно, стану жертвой.
Иду на трон с понурой головой.
Чтоб обо мне вписали в Книгу Мёртвых,
Пора вершить дела, пока живой».

- «Вершить дела уже ты будешь завтра», -
В ответ ему царица говорит.
Её слова звучать царю, как мантра,
И сердце больше страхом не болит.

VIII

Тутанхамон – как наш царевич Дмитрий,
Которого угробил Годунов,
Иль та случайность с чередой событий,
Которую подстроить был готов.

Фортуна узурпаторам не льстила,
Коварно долго править не даёт.
Находится всегда другая сила,
Что сокрушит нелегитимный гнёт.

На мальчике закончилась династия,
И Тутмосов, Аменхотепов род
Иссяк, угас и поспешил прерваться.
И в Книгу Мёртвых записал их Тот.

Нет, царь не умер сам – его убили
В загоне саблерогих антилоп.
Подстроив, колесницей раздавили,
Когда коней помчал шальной галоп.

Летит вперёд большая колесница.
Вокруг свист стрел в погоне диких коз
Царь в лучниках, его слуга возница.
Вдруг выпал он? Иль что же там стряслось?

Столкнулись с рядом мчащейся двуколкой,
Ударив боком крашеный каркас,
И пара лошадей высоких в холке,
Испуганно быстрее понеслась.

Царь дрогнул от толчка и вскрикнул, выпав.
А, следом пролетевший экипаж
Наехал на него, песком засыпав,
В охотничий войдя безумный раж.

Падение то было не случайным.
В охоте царь задействовал войска,
Что Хоремхеб снабдил приказом тайным,
Когда на травлю дичи отпускал.

А, может быть, устроили засаду
И, бегемота дико разъярив,
Пустили на царя, убрав ограду,
Чтоб он погиб, страну осиротив.

Набросился гигант на фараона
И рядом не помог из копий лес.
Погибло «воплощение Амона»,
Как сын Нармера, фараон Менес.

Здесь имя Хoremхеба не случайно.
Наместником он был обоих Царств
И власть познал не в службе ритуальной,
В ином – в распределении богатств.

Он станет фараоном после Эйе,
Но, проклятый бездетностью своей,
Династию продолжить не сумеет,
Умрёт, с визирем думая о ней.

IX
Приходит сон к египетской царице.
Но краток он, как жизнь её царя.
В нём сквозь пожар несутся колесницы,
Вся в засухе умершая земля.

Не смея, разгадать его пророчеств,
(Сон не даёт ей сил, терзает дух)
Проводит дни в бреду, боится ночи,
Шакалихою напрягая слух.

Прислал наместник Царств ей предложенье –
Стать мужем ей, надеть корону пшент.
Оно вдовы не вызвало смятенье,
Но всё равно отказом был ответ.

В отчаянье, заламывая руки,
Посланье пишет хеттскому царю,
Чтоб спас царицу он от вдовьей муки
И дал в мужья ей сына к алтарю.

«О, мудрый и великий царь Хаттусы!
Муж умер у меня, а сына нет.
Твой сын Заннанза - мне жених по вкусу.
Пусть будет фараоном славный хетт!

Я здесь одна, не знаю, что мне делать.
Ахетатон врагами окружён.
Достигла ныне жизнь моя предела.
Увы, помочь не в силах мне Атон.

И в Мемфисе, что под защитой Птаха,
Из подданных я мужа не возьму.
Там нет сердец без алчности и страха
И послушанья женскому уму».

Она не спит и в кровь кусает губы,
И, как в бреду, взволнована, бледна.
Страшит её наместник злой и грубый
И вся ему подвластная страна.

Ответил Суппилулиума Первый,
Что ей не верит, просит подтвердить,
Сомнением ей действует на нервы.
Она кричит, велит писца будить.

И снова пишет, снова закликает
Прислать скорей в Египет жениха.
Не долго быть ей главной - это знает,
В Ахетатон уже идут войска.

Ведёт их на столицу, подгоняя,
Отвергнутый царицей Хоремхеб,
Кто жаждет, ею с тронем обладая,
Предстать царём, как дед Аменхотеп.

Но вот ответ спасительный из Хатти –
Царевич хеттский едет к ней послом,
Цаннанца, в окруженье хеттской знати,
Чтоб стать супругом Анхесенамон.

Напрасно блещет юная царица
И ждёт в свои покои жениха,
Ведь замыслу её, увы, не сбыться,
И «растерзает сокол петуха».

Убили по приказу Хоремхеба
Заннанзу у египетских границ.
Схватили и казнили в час обеда
Налётом к каравану колесниц.

Царица плачет. Дрожь в бессильном теле.
Обнял её за плечи старый жрец,
Коварный и лукавый чати Эйе
И убедил идти с ним под венец,

Чтоб в жёны не достаться Хоремхебу,
Насильнику, убийце и врагу.
Жрец обещал ей скорую победу,
Заплаканной на нильском берегу.

Но только имя внёс своё в картуши,
Отверг газелеглазую Анхе
И стал другим в гареме жёнам мужем,
Рассеяв обещанья на песке.

Х

Супруга фараона Нефертити
Рожала Эхнатону дочерей,
И он отверг с ней брачную обитель,
Наследника желая поскорей.

Хоть ей оставил титул – соправитель,
Тот всё ж не мог на власть претендовать,
Чтоб не было в стране кровопролитий
И головы не задирали знать.

И царь, избрав из жён своих гаремных
Молодку, что была его сестрой,
Привлёк в свои объятия царевну
Полночною ненастною порой.

Наследник был рождён, но вот несчастье -
Ослабленный калека и урод.
Бессилие и вырождение власти
Являл сей чахлый пустоцветный плод.

И умер по велению Амона,
И мумией в гроб-панцирь погребён.
Уплыл на юг в Долину фараонов
В Загробный мир, сын Ра – Тутанхамон.

Юнец, собой бездарный и бесславный,
Чем смог величье славы он снискать?
Как древний артефакт, сегодня главный,
Который удалось нам всем узнать.

Гроб юноши, подобно крокодилу,
Весь выдолблен из золота, отлит,
Плывёт в ладье в последний путь по Нилу.
Там фараон, закрыв глазницы, спит.

Сосуд священный спрячет его сердце,
А саркофаг закроется в гранит,
Но всё-таки рукою иноверца,
Презревшего проклятье, будет вскрыт.

Прошли века и миллиарды жизней
Над прахом этим в мире пронеслись.
Бессмертья слава, нет её капризней,
С собою снова манит чью-то жизнь.

